

Тюркский мир и арабская родина: туркоманы Сирии и Ирака в поисках идентичности

Кудряшова Ирина Владимировна, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Сейидли Салех Агил оглы, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Контактный адрес: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

После распада Османской империи тюркские общины Сирии и Ирака (туркоманы) оказались культурной периферией и для Турции, и для новых арабских государств; долгое время они были лишены коллективного голоса. Власти мандата придерживались курса на этнически однородный государственный национализм с формально равными правами граждан; арабские националисты в период независимости осуществляли проект «арабского отечества». Политическую идентичность туркоманы стали обретать только с ослаблением / распадом баасистских режимов в 1990-х–2000-х годах. Как она развивалась и каковы ее векторы сегодня? Какую роль играет Турция в поддержке исторических соотечественников и что предлагают им власти Сирии и Ирака? Туркоманский вопрос рассмотрен авторами в двух контекстах – структурном и идентичностном, т. е. вписан в рамку государственного и национального строительства. В качестве аналитического инструмента использован «треугольник Брубейкера». Результаты исследования показывают, что идентичность туркоман в дополнение к этническому и религиозному приобрела национально-государственное измерение. В частности, туркоманы и Сирии, и Ирака выступают за гражданскую полиэтническую нацию и широкие культурные права. Крупнейшие и наиболее влиятельные политические организации туркоман созданы при активной поддержке Турции, однако политически «тюркский мир» вариативен. В Ираке стремление туркоман к турецкой опеке уступает место желанию сотрудничества двух государств; в Сирии де-факто туркоманская автономия вдоль турецко-сирийской границы приобрела устойчивую значимость и для туркоман, и для «внешней родины». Есть и группы туркоман, для которых приоритетное значение имеет профессиональная идентичность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

туркоманы, Сирия, Ирак, Турция, национальная идентичность, имперская идентичность, этническая идентичность, разделенные общества, тюркизм

Введение

Не только для исследователей, но и для заинтересованных наблюдателей очевидно, что создание национальных государств на месте бывших империй – длительный процесс. В первую очередь это верно в отношении континентальных, или протяженных, империй (Османской, Австро-Венгерской, Российской), где зависимые территории включались в общую государственную структуру.

Хотя исчезновение слова «империя» из политических документов и страновых наименований и дало некоторые основания считать переход «из империи в нацию» состоявшимся, имперские нарративы и символы сохраняют свою роль. В ответ на вызовы усложняющегося политического развития и в ядре, и на периферии бывших империй происходит переосмысление имперского наследия, открывающее путь неоимперской идентичности¹.

В публичном дискурсе современной Турции неомперские и пантюркские мотивы хорошо различимы: то президент Р.Т. Эрдоган упоминает о необходимости защиты Национального обета², то его союзник по правящей коалиции лидер Партии националистического движения Д. Бахчели демонстрирует карту «тюркского мира». По мнению В.А. Аваткова и А.И. Сбитневой, неоосманизм как понятие включает в себя «набор идеологем, одна из которых затрагивает проблематику пантюркизма и общетюркского объединения»³. П.В. Шлыков полагает более точным термин «тюркизм» – как лишенный заряда экспансионизма и предполагающий экономическое, политическое и культурное сотрудничество и взаимодействие⁴.

Помимо эмоциональных речей политиков, проблемы постосманских политий и населяющих их народов проявляются в виде вооруженных конфликтов, терроризма, государственной несостоятельности и этнической дискриминации вплоть до геноцида. Пожалуй, самым известным в этом отношении стал курдский вопрос, который в его различных ипостасях – турецкой, сирийской и иракской – постоянно присутствует в последние годы в международной и региональной повестке дня.

Мы, однако, хотели бы обратить внимание на другой «вопрос» – туркоманский, который далеко не так подробно освещен в научной литературе и политической публицистике. Между тем туркоманы, тюркские меньшинства Сирии и Ирака⁵, связи которых с анатолийскими турками оказались разорванными после образования Турецкой Республики и масштабных реформ Ататюрка, не утратили своей этнической идентичности, несмотря на прессинг арабского национализма. Быстрое становление их политической субъектности началось после падения режима Саддама Хусейна в Ираке (2003) и начала «арабской весны» в Сирии⁶.

1 Подвинцев 2017, 360.

2 Национальный обет – документ, принятый депутатами последнего османского парламента в 1920 г. Предусматривал, в частности, включение в состав будущего турецкого государства тех османских территорий, где этнические турки составляли большинство.

3 Аватков, Сбитнева 2022, 294.

4 Шлыков 2017, 61.

5 Туркоманы – третья по численности этническая группа в обеих странах (после арабов и курдов); этноним исторически использовался на Ближнем Востоке для обозначения огузских тюркских племен, прибывавших в регион в ходе массовых миграций с VII в. до позднего Средневековья.

6 Сейидли 2022.

Поскольку туркоманские сообщества принадлежат к тем «мусульманско-оттоманским» народам, которые входят в круг современной политики тюркизма, представляется теоретически и практически любопытным рассмотреть вопрос об основных ориентирах их политической идентичности. Связывают ли они свое будущее с арабскими родинами или мечтают о воссоединении с родиной исторической? Как складываются отношения между ними и Турцией? Признают ли власти Сирии и Ирака их коллективные политические права?

Учитывая сложность сопряжения векторов государственного и национального строительства в условиях Ближнего Востока и появление трансграничных политических пространств, мы видим задачи статьи следующими: (1) определить структурный контекст строительства новых государств на постосманском пространстве; (2) осветить исторические траектории национальной политики в Сирии и Ираке как фактор формирования туркоманской идентичности; (3) провести анализ политизации идентичности сирийских и иракских туркоман и формирования их политической субъектности; (4) оценить позицию Турции как «внешней родины» туркоман. Внимание к историческому контексту объясняется тем, что в восточных обществах история и религиозная традиция остаются органичной частью современности¹.

Империя и национальное государство: краткий экскурс в политическую теорию и отчасти в историю

В идеал-типическом плане политические рамки империи и национального государства обладают разными структурными характеристиками. Прежде всего их разделяет принцип территориальности. Если национальное государство делает акцент на обладании территорией, то в логике империи она воспринимается главным образом как «пространство, доступное для управления»². «Принципиальная разомкнутость» имперской формы предполагает терпимое отношение к существующим внутренним различиям политического, экономического и культурного порядка³.

Другое различие связано с системой управления: в национальном государстве оно прямое, в империи – косвенное или смешанное. Последняя часто допускает существование в своем составе небольших политических единиц с различными институциональными формулами и отправляет власть через автономных посредников в обмен на соблюдение общих требований⁴. Соответственно, национальное государство ориентировано на стандартизацию и унификацию отношений внутри политии и стремится к универсализации гражданско-правового порядка, а империя допускает значительную степень неформальности и внутренней «антидемократичности».

Особенность империй – обращение к трансцендентным ценностям, идее цивилизаторской миссии. Легитимация политического порядка «сверху» обеспечивается путем «распространения символов лояльности, „хорошего правления“,

1 Звягельская 2020, 11

2 Osterhammel 2015, 424.

3 Каспэ 2007, 125.

4 Tilly 1997, 3.

поддержания внутреннего мира или установления льгот и привилегий для своих клиентов»¹ и поддерживает имперскую идентичность.

Наконец, к числу наиболее важных различий между этими политическими формами относится специфика участия в международных системах: империи «антитетичны внешнему равенству государств, которое предполагается суверенной территориальностью», и ограничивают свое господство «совместно согласованными пространственными параметрами»².

Система непрямого управления в Османской империи отличалась высокой функциональностью (что и обусловило ее долговечность). В арабских провинциях Порты опиралась главным образом на городские суннитские элиты и старалась передать им управление более мелкими сообществами (племенными, этническими или религиозными)³. В середине второй половины XV в. вслед за расширением империи возникла система миллетов, обладавших своими правовыми системами и институциональной сетью для ведения общинных дел; по существу, это была нетерриториальная форма автономии, позволявшая духовным лидерам в том числе выступать посредниками в разрешении межобщинных конфликтов⁴. Важным элементом управления был правовой плюрализм: члены общин могли выбирать правовую систему, в которой они хотели бы разрешить свои споры⁵. Как де-факто территориальную автономию можно рассматривать отношения имперского ядра с глубокой периферией (труднодоступными областями или зонами приграничья), которые строились на основе неформальных договоренностей и зачастую на признании особых прав, вплоть до наличия вооруженных формирований⁶.

В символической сфере ядро формировало общее пространство с центрами провинций, апеллируя к традиционным исламским ценностям, включая принцип мирного сосуществования людей Писания. В период модернизационных реформ XIX в. была предпринята попытка создать обновленную имперскую идентичность на основе принципа «османского гражданства», не отменявшего привилегий и льгот для немусульман. В XX в. в условиях практической потери Балкан пришедшие к власти младотурки выдвинули идею полиэтнической османской нации и ее тюркизации.

Несмотря на проникновение в имперское пространство идеи национализма и заимствование ряда европейских институтов (парламент, конституция, партии, выборы), национальное государство как форма политической жизни оставалось и для турок, и для арабов чужеродным. Более того, сама его идея вступала в противоречие с принципами уммы и халифата. И сторонниками имперских реформ («новые османы», затем младотурки), и арабскими мыслителями государство воспринималось «как единый организм, функционирующий на этнокультурной или религиозной основе; вопросы территориальных границ, общественной этики, прав и свобод народа, националь-

1 Мелешкина, Кудряшова 2022, 22.

2 Spruyt 1994, 17.

3 Карпат 1988, 39.

4 Кудряшова, Козинцев 2021, 146–148.

5 Varkey, Gavrilis 2016.

6 Кудряшова, Козинцев 2021, 149–150.

ного рынка не разрабатывались, поскольку считались искусственными или второстепенными»¹.

В Первую мировую войну Великобритания обещала шерифу Мекки Хусейну аль-Хашими создание арабского государства в обмен на поддержку в войне против султана². В ходе развернувшегося освободительного движения («великой арабской революции») 1916–1918 гг. арабо-сирийские националисты попытались учредить это государство в пределах «исторической Сирии», включая часть Ирака и Хиджаз, с представителем хашимитской династии Фейсалом ибн Хусейном на троне³. Однако Великобритания и Франция, ранее договорившиеся о разделе азиатских владений империи в соответствии со своими стратегическими интересами (соглашение Сайкса – Пико 1916 г.), сорвали эту попытку. Установление Лигой наций мандатного управления арабскими провинциями бывшей империи привело к появлению страновых «национальных государств», произвольно и не сразу обозначенные границы которых разрывали не только сложившуюся в имперский период управленческую, экономическую и коммуникативную инфраструктуру, но и общее культурное пространство. Между тем для тюркских народов Сирии и Ирака османская идентичность, в той или иной степени соотносимая с этнической, продолжала оставаться ориентиром самоидентификации⁴.

Государственное строительство и этническая политика в Сирии и Ираке в период мандата

Территориально современные Сирия и Ирак были сконструированы из нескольких вилайетов Османской империи и представляли собой политические образования с неконсолидированными границами и оспариваемыми политическими центрами. Новая Сирия по сравнению с «исторической» утратила Ливан, Палестину и Трансиорданию. Первоначально страна была разделена на пять частей-квазигосударств: Государство Дамаск, Государство Алеппо, Государство Алавитов, Государство Джебель Друз и Александреттский санджак (Искендерун) со значительным тюркским населением (Анкарский договор 1921 г. между Францией и Турцией предусматривал для последнего особый административный режим, включавший создание возможностей для культурного развития жителей-турок и официальное признание турецкого языка⁵). Само выделение этих политических единиц вызвало рост этноконфессионального антагонизма. Из-за их слабой сопряженности в качестве временного решения была учреждена Сирийская Федерация (1922–1924), куда вошли первые три территории и санджак как автономия Государства Алавитов со своим административным советом и бюджетом; в планах французских властей было и дальнейшее политическое переустройство Сирии⁶.

Вопрос о принадлежности Александретты на долгие десятилетия стал источником напряженности в турецко-сирийских отношениях, что заставляет

1 Кудряшова, Козинцев 2023, 57, 60.

2 Щевелев 2021, 142.

3 Косач 2007, 262.

4 Fontana 2010, 4–5.

5 Khadduri 1945, 406–408; Sanjian 1956, 379.

6 Balanche 2017, 20–21.

обратиться к его истории. Парафирование в 1936 г. франко-сирийского договора, предусматривавшего трехлетний переходный срок для отмены мандата и вступления Сирии в Лигу наций, спровоцировало в Турции антифранцузскую кампанию: турецкое правительство выразило озабоченность безопасностью тюркоязычного населения санджака и потребовало его независимости¹. Ввиду обострения ситуации в Европе и Восточном Средиземноморье накануне Второй мировой войны² Франция уступила и согласилась передать вопрос о статусе санджака на рассмотрение Совета Лиги наций. В конце января 1937 г. Совет принял компромиссное решение, согласно которому санджак после прекращения сирийского мандата должен оставаться под наблюдением Лиги, имея полную самостоятельность во внутренних делах. Франция и Турция назначались гарантами его территориальной целостности, а Сирия несла ответственность за внешнюю политику и общую денежную и таможенную систему³. Сирийский парламент отверг это решение, страну охватили протесты.

В мае 1937 г. Совет Лиги утвердил основной закон и статут Александреттского санджака, в соответствии с которым тот приобретал автономию в рамках мандатной системы. Основным органом власти становилась Законодательная ассамблея из 40 депутатов, избираемых по общинному признаку; назначаемый Лигой комиссар имел право вето законов. Поскольку в санджаке жили представители многих этнических, религиозных и языковых общин⁴, среди которых турки (тюрки) составляли около 40%⁵, регистрация населения для составления списков избирателей и установления пропорциональных квот сопровождалась многочисленными конфликтами⁶.

По итогам регистрации избирателей квота турок оказалась самой большой (22 места), то есть в процентном отношении их численность должна была вырасти до 60%⁷. На своем первом заседании Ассамблея избрала этнически тюркское правительство, изменила название санджака на турецкое Хатай, приняла закон о введении турецкого гражданского и уголовного кодекса и использовании турецкого гимна. Главами автономного государства и кабинета стали политики, избранные в парламент Турции соответственно от округов Анталья и Газиантеп⁸. Франко-турецкие соглашения 1939 г. закрепили переход Хатая к Турции, что было одобрено Ассамблеей санджака, но не признано сирийским правительством⁹.

Подмандатный Ирак включил в своей состав три османских вилайета – Басру, Багдад и Мосул¹⁰. В 1920 г. он был охвачен антибританским восстанием, после

1 Киреев 2007, 228.

2 Болдырев 2020, 177–178.

3 Khadduri 1945, 417.

4 “Carte d'Ensemble du Sandjak d'Alexandrette (Overview Map of the Sanjak of Alexandretta),” United Nations Geneva, August 8, 2022, accessed March 20, 2024, <https://archives.ungeneva.org/carte-densemble-du-sandjak-dalexandrette-4>

5 Sanjian 1956, 380.

6 В частности, право голосовать получили все, кто проживал на территории санджака до 1 января 1918 г.; арабы, имевшие множественную общинную принадлежность, были на этом основании разделены на несколько групп (алавиты, сунниты, христиане); члены малых общин подвергались давлению с целью заставить их зарегистрироваться в качестве представителей тюркской общины. См.: “Аль-Искендерун. Лива’ (Iskenderun. Province),” Аль-Мавсуа’ аль-арабийя (Arab Encyclopedia), accessed December 7, 2023, <https://arab-ency.com.sy/ency/details/687/2>.

7 Khadduri 1945, 423.

8 Jörum 2014, 91–92.

9 Киреев 2007, 229.

10 Этнический состав вилайета Мосул был главным аргументом в спорах о его принадлежности на Лозаннской конференции 1922–1923 гг.: по данным турецкой делегации, турки были второй по численности этнической группой в регионе после курдов, с чем не соглашались англичане, ставя их на третье место после курдов и арабов. См.: Oğuzlu 2004, 311.

подавления которого было принято решение о переходе к непрямому правлению – учреждению конституционной монархии во главе с представителем Хашимитской династии Фейсалом ибн Хусейном. Принадлежность Мосула Ираку была подтверждена Советом Лиги наций только в 1925 г.; отказ Анкары от Мосула зафиксирован в англо-иракско-турецком договоре 1926 года.¹

И Сирия, и Ирак стали государствами с абсолютным арабским большинством и значительным присутствием других этноконфессиональных групп (курды, туркоманы, ассирийцы, черкесы, езиды, шабаки, армяне и др.). Власти мандата, столкнувшись с подъемом освободительной борьбы, взяли курс на создание формально этнически однородных государств с центральными органами власти². Так, если в проекте иракской конституции 1920 г. еще было упоминание о трех народах (арабы, курды и турки), которые составляют «иракскую нацию»³, то конституция 1925 г., как и конституция Сирии 1930 г., содержали статьи о равенстве всех граждан перед законом, независимо от языка, расы или религии, и не упоминали о наличии каких-либо этнических групп. Косвенно присутствие туркоман в Ираке подтверждалось тем, что конституция была опубликована и на турецком языке. Согласно Акту о местных языках 1931 г., курдам и туркоманам разрешалось использовать родной язык в государственных учреждениях, включая школы и суды, в тех районах, где они составляли большинство; на деле закон применялся избирательно. Для туркоманских интеллектуалов того периода сама идентичность меньшинства в арабской монархии ассоциировалась с бесправием, страданием и унижением и вызывала желание вновь «стать большинством» через воссоединение с родиной. Так, в стихотворении «Беда моей страны» литератор и активист Назим Рефик Коджак в 1933 г. обращался к президенту Турции со следующими словами:

О Гази [Мустафа Кемаль-паша] неукротимый, чужой флаг
развевается над нами, спаси нас.

Киркук – турецкий; не разлучай мать с дочерью.
Сокрушенный и скорбящий сирота здесь
Плачет день и ночь о своей Родине⁴.

В той же стилистике скорби и отчаяния туркоманский поэт Хизир Лютфи писал об отделении Мосула:

Я неизлечимо болен; мою возлюбленную оторвали от меня.
Разлука подкосила меня. Я охвачен тоской.
Разрыв становился глубже с каждым моим шагом.
Моя половина ушла, когда я еще жив⁵.

Сирийские туркоманы с 1936 г. не могли свободно общаться и публиковаться на турецком (османском) языке и были лишены возможности публично использовать свое культурное наследие⁶.

Следы туркоманской идентичности в период мандата мы попытались обнаружить на этнографических картах, изучая используемые этнонимы. Французская

1 Болдырев 2020, 176–177.

2 Fontana 2010, 13.

3 Oğuzlu 2004, 315.

4 Büyüksaraç 2017, 27.

5 Ibid., 26.

6 Hürmüzlü 2015, 89.

этнографическая карта 1935 г. фиксирует присутствие турок (*Turcs*), туркоман (*Turcomans*) и туркмен (*Turkmènes*)¹, а этнографическая карта Северного Ирака 1927 г. – турок или туркоман (*Turks or Turcomans*)². Карты подтверждают, что четкой (само)идентификации туркоман в новых государствах не было. По мнению исследователей, турки Ирака и Сирии рассматривали себя как единое целое с анатолийскими турками и использовали термины «турок» и «туркоман» взаимозаменяемо³. Как пишет Г. Бюйюксараç, «этничность туркоман появилась как травмированная и меланхоличная идентичность, обращенная к политике прошлого, как ностальгия по османским временам, когда все и вся, казалось, находилось на своих местах»⁴. В использовании этнонима «туркоман» первоначально были заинтересованы сирийская и иракская администрации, которые стремились избежать территориальных претензий Турции⁵.

Государственное строительство и этническая политика в Сирии и Ираке после получения независимости

Формально Ирак получил независимость в 1932 г., Сирия – в 1943 году. В ранний период независимости у власти оставались старые элиты (нотабли, торговая буржуазия), которые успешно управляли парламентскими выборами. В Сирии стихийное развитие капитализма и аграрный кризис, вызванный сверхвысокой концентрацией земельной собственности, привели к резкому усилению социального неравенства и распространению левых настроений. Легитимность власти была также подорвана потерей Палестины в результате арабо-израильской войны 1948 года.⁶ Ирак сотрясали народные волнения и забастовки социально-экономического и политического характера. В 1948 г. началось народное восстание против продления военного договора с Великобританией, в 1955 г. – против вступления в Багдадский пакт⁷.

Рост политической нестабильности привел к укреплению позиций арабских националистов и учреждению в Дамаске Партии арабского возрождения (Баас), которая мыслилась как общеарабская; ее идеология сочетала в себе национализм, антиимпериализм и призыв к борьбе с социальной несправедливостью, со старой системой. Исходная посылка была простой: если империализм искусственно разделит арабскую нацию на разные государства, чтобы ее ослабить, то партия должна пробудить и объединить нацию, чтобы сделать ее сильной⁸. В конституции партии, принятой Учредительным конгрессом 1947 г., утверждалось, что арабы – «одна нация, обладающая естественным правом жить в одном государстве и свободно распоряжаться своими способностями», и что «арабское

1 "Syrie et Liban. Carte de 1935. Communautés religieuses et ethnies. Carte établie par le Bureau topographique des troupes françaises du Levant (Syria and Lebanon. Map from 1935. Religious communities and ethnic groups. Map established by the Topographical Office of the Troops French from the Levant)," *Hypotheses*, October 24, 2012, accessed December 7, 2023, <https://ifpo.hypotheses.org/2753>.

2 "Ethnographical Map to Show Distribution of Races in Northern Iraq. 1927," United Nations Geneva, August 9, 2022, accessed December 7, 2023, <https://archives.ungeneva.org/ethnographical-map-to-show-distribution-of-races-in-northern-iraq>.

3 Saatçi 2018, 331.

4 Büyüksaraç 2017, 43.

5 Yıldız, Çitak 2021, 342.

6 Hinnebusch 1982, 178–179.

7 Восток в новейший период... 2008, 313–316.

8 Dawisha 2003, 154.

отечество – для арабов»¹. В 1952 г. региональная (страновая) ветвь Баас была учреждена в Ираке; в 1953 г. произошло слияние Баас с Арабской социалистической партией, что усилило радикализм ее позиций.

В конституции Сирии 1950 г. и во временной конституции Ирака 1958 г., принятой после антимоноархического переворота, декларировалась принадлежность этих стран единой арабской нации. В случае Ирака, однако, арабы и курды² провозглашались партнерами, национальные права которых защищаются конституцией «в рамках иракского единства» (другие этнические группы не упоминались). Это объяснялось тем, что коалиция национальных сил, пришедших к власти в Ираке, объединяла представителей разных политических взглядов; ключевое размежевание проходило по оси иракский национализм – панарабизм.

Сила иракского национализма первоначально была в его этнической инклюзивности. Возглавивший страну генерал Абдель Керим Касем не поддерживал панарабские проекты и выстраивал иракскую идентичность вокруг древней истории Месопотамии. Несмотря на то что туркоманы в политике Касема занимали менее важное место, чем курды, именно при нем в 1959 г. был официально введен этноним «туркоман» (араб. *نمكفرت*) взамен ранее используемого «турок» или «тюрок» (араб. *كفرت*)³.

Официальная символика Ирака была изменена: новый флаг, помимо трех полос цветов панарабизма (черный, белый, зеленый), имел в центре так называемое солнце Месопотамии, которое предположительно символизировало курдское (желтый диск) и христианско-ассирийское (красные лучи) меньшинства⁴. Одновременно генерал открыто заявлял о территориальных претензиях на Кувейт (часть бывшего вилайета Басра), Хузестан (регион Ирана, где проживает арабское меньшинство) и преимущественно курдские районы Сирии, Турции и Ирана⁵.

Однако иракскому лидеру не удалось стабилизировать этнополитическую ситуацию. Так, в 1959 г. митинг по случаю годовщины антимоноархической революции в Киркуке привел к столкновениям между курдами и туркоманами, унесшим жизни более ста человек⁶. Как отмечают Л. Андерсон и Г. Стэнсфилд, «резня 1959 г. остается в коллективной психике туркоман не только как предупреждение о неизбежных опасностях политики в Ираке, но и как напоминание о глубине ненависти и недоверия, которые всегда существовали между туркоманами и курдским сообществом»⁷.

Усилия Касема по централизации власти привели к масштабному вооруженному конфликту с курдами в северных районах страны в 1961 г.⁸, следствием которого стала арабизация Северного Ирака. Она затронула и туркоман: последние

1 "Дустур хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий (Constitution of the Arab Socialist Renaissance Party)," Syria-news.com, April 27, 2012, accessed December 15, 2023, <http://syria-news.org/dayin/mosah/readnews.php?id=7917>.

2 В 1958 г. курды составляли около 20% населения Ирака. См.: Rubin 2007, 355.

3 Saatçi 2018, 39.

4 "Republic of Iraq: 1959-1963," FOTW "Flags Of The World" website, July 31, 2020, accessed January 12, 2024, https://www.fotw.info/flags/iq_1959.html.

5 Simons 1996, 257–258.

6 Anderson, Stansfield 2009, 34.

7 Ibid., 64.

8 Rubin 2007.

считали, что подвергаются арабизации в большей степени, чем какая-либо другая этническая группа, потому что Киркук не только исторически был туркоманским, но и остался таковым по своим культурным ориентирам¹.

Самый трудный этап для этнических меньшинств Ирака начался с приходом к власти в 1979 г. Саддама Хусейна, который был сторонником политики насильственной ассимиляции. Туркоманские поселения переименовывались, туркоманы депортировались, а в районы их компактного проживания переселялись арабы; были запрещены любые политические объединения на этнической основе, а также публичное использование туркоманских диалектов².

Репрессиям подверглись и лидеры туркоманских националистов; в 1980 г. четверо из них были повешены³. В 1991 г. армия Ирака в ходе подавления массовых протестов учинила резню в городе Алтун Кюпрю, населенном преимущественно туркоманами-шиитами⁴.

В Сирии политика ассимиляции этнических меньшинств проводилась изначально, однако она по-разному затронула туркоман. Те, кто проживает в сельских районах (их около 30%⁵), хуже владеют арабским языком и значительно менее грамотны, чем те, кто был урбанизирован. Они сохранили кланово-племенную структуру и патриархальные ценности (а некоторые племена – кочевой образ жизни) и в целом всегда были менее лояльны сирийскому государству⁶. Правительство Хафеза Асада, несмотря на официальные лозунги «нет конфессионализму» и «нет трайбализму», по внутривнутриполитическим причинам патронировало крупные арабские племена и племенные конфедерации⁷, но туркоманы оставались вне системы патронажа и сталкивались с дискриминацией при трудоустройстве и потерей своих наделов в ходе земельной реформы⁸.

В крупных городах (Дамаск, Алеппо, Хама, Хомс) маргинализировать туркоман, в большинстве своем мусульман-суннитов, владеющих как сирийским диалектом, так и классическим арабским, было практически невозможно. Более того, многие сирийцы туркоманского происхождения внесли ощутимый вклад в развитие национальной культуры и науки, стали известными государственными деятелями: Халил Мардам-бей не только возглавлял министерства образования и иностранных дел, но и написал слова государственного гимна Сирии, Абу Халил Каббани основал арабскую оперетту, выходец из смешанной арабо-туркоманской семьи Низар Каббани стал известнейшим поэтом, его брат Сабах Каббани стоял у истоков сирийского телевизионного проекта, Мухаммад Эмади на посту министра экономики заслужил почетное прозвище

1 Anderson, Stansfield 2009, 64.

2 Mullen et al. 1997, 88; Anderson, Stansfield 2009, 87.

3 "Türkmen Şehitlerimiz (Our Turkmen Martyrs)," Türk Tarihi Araştırmaları, February 21, 2012, accessed February 15, 2024, <https://www.altayli.net/16-ocak-1980-turkmen-sehitlerimiz.html>.

4 "On the Anniversary of the Massacre of Altun Kupri, President Underlines the Need to Respond to the Citizens' Legitimate Demands in Building Democratic State," Official Website of President of Iraq, March 30, 2020, accessed February 15, 2024, <https://presidency.iq/EN/Details.aspx?id=1856>.

5 Mustafa Khalifa, "The Impossible Partition of Syria," Arab Reform Initiative, October 24, 2013, accessed December 23, 2023, <https://www.arab-reform.net/publication/the-impossible-partition-of-syria/>.

6 Ibid.

7 Dukhan 2014, 5–6.

8 Meşküre Yılmaz, "Suriye Türkleri (Syrian Turks)," 21 yüzyıl Türkiye enstitüsü, December 4, 2015, accessed December 11, 2023, <https://21yyte.org/tr/suriye/suriye-turkleri-2>.

«отец сирийской экономики», Хасан Туркмани был начальником генерального штаба и министром обороны и др.¹

Толерантность, проявляемая различными общинами по отношению друг к другу, в этот период была источником гордости для многих сирийцев, однако этноконфессиональные идентичности никуда не исчезали: они «традиционно были предметом частных разговоров и часто представляли важную информацию в тех случаях, когда нужно было оценить ситуацию, понять человека или группу или оценить профессиональные и личные возможности и ограничения»². Хотя в целом туркоманы вели такую же жизнь, как их соседи-арабы, и испытывали те же социально-экономические трудности³, употребление родного языка туркоман⁴ – главного маркера идентичности – в городской среде было ограничено их повседневной жизнью; многие утрачивали его. Как отмечает Н.Ю. Сурков, на практике «светский неэтнический национализм» регулярно подвергался испытаниям⁵.

У иракских туркоман также наблюдались различия в положении сельских и городских общин. Общины в крупных городах Ирака (Багдад, Мосул, Барса, Киркук) были лучше интегрированы в иракское общество, имели менее консервативные ценности и придавали меньшую важность племенной идентичности по сравнению с сельскими⁶.

Недолгое существование объединенного государства Египта и Сирии (ОАР) и череда военных переворотов и контрпереворотов в Сирии и Ираке в 1950–1960-х гг. завершились консолидацией двух баасистских режимов под руководством Хафеза Асада и Саддама Хусейна. По мнению Р. Хиннебуша, сирийский режим был институционализирован «в качестве популистской версии неопатримониализма»⁷, то есть предоставления социальных благ (субсидирование цен и кредитов, различные виды льгот для государственных служащих и т.д.) в обмен на политическую лояльность. Эту оценку можно распространить и на Ирак с одной поправкой: в иракской политике присутствие насилия было более выраженным из-за постоянно возобновлявшихся боевых действий в курдском регионе. После смерти Асада в 2000 г. сокращение ресурсной базы режима вынудило правящую элиту во главе с Асадом-мл. приступить к ограниченной либерализации политической и экономической сферы, однако это не привело к решению накопившихся противоречий⁸.

Таким образом, до американской «демократизации» Ирака и «арабской весны» в Сирии баасистские элиты подавляли публичное проявление коллективной туркоманской идентичности (за исключением периода короткой «культурной оттепели» в Ираке в начале 1970-х годов). В значительной степени это было вызвано исторической памятью о борьбе за Александреттский санджак и Мосул: и

1 "Turkmen: A Minority Influential in Syrian Culture," Enab Baladi, May 11, 2019, accessed February 12, 2024, <https://english.enab-baladi.net/archives/2019/05/turkmen-a-minority-influential-in-syrian-culture/>.

2 Stolleis 2015, 7.

3 Пир-Будагова 2015, 302–304.

4 Большинство лингвистов считают говор туркоман диалектом турецкого языка.

5 Сурков 2020, 173.

6 "Iraqi Turkmen: The Human Rights Situation and Crisis in Kerkuk," Unrepresented Nations and Peoples Organization website, March 29, 2007, accessed January 12, 2024, <https://unpo.org/article/6512>.

7 Hinnebusch 2020, 149.

8 Козинцев 2018, 228–229.

сирийская, и иракская туркоманские общины рассматривались властями как потенциальные предатели или ирредентисты на основании их исторической связи с бывшей империей или этнического родства с большинством населения Турции¹. В частности, до потепления турецко-сирийских отношений после заключения Аданского соглашения в 1998 г. санджак присутствовал на всех официальных географических картах Сирии².

Отметим, однако, что строительство «арабского отечества» было закономерным шагом на пути постимперского политического развития Сирии и Ирака. Как подчеркивал Г.Г. Косач, в страновом масштабе это «отечество» стало «орудием искоренения внутренних центробежных тенденций – регионалистского, религиозного или этнокультурного партикуляризма и, в этой связи, достижения „общегосударственного единства“»³.

Формирование политической идентичности туркоман Сирии и Ирака в период кризисного развития

Политические кризисы и эскалация насилия в Ираке (с 2003 г.) и Сирии (с 2011 г.) вновь превратили эти общества в глубоко разделенные⁴ и разрушили созданные за несколько десятилетий государственного и национального строительства каналы коммуникаций между центром и культурной периферией.

Точных данных о численности туркоман в Сирии и Ираке до настоящего времени не имеется, что предопределяет приблизительный и политизированный характер любых подсчетов. Сирийские переписи только дважды, в 1943 и 1953 гг., имели разбивку по этническому составу (причем пункт «тюрки / туркоманы» отсутствовал)⁵. С 1963 г. сирийская ветвь Баас, следуя светской традиции, делила население на три категории: сирийские граждане, палестинские беженцы и иностранцы. Большинство современных исследователей соглашается с численностью от 1 до 1,5 млн чел.; среди них сельские туркоманы, сохранившие родной язык, составляют до 30%⁶. Туркоманские общины проживают в основном в районах, непосредственно граничащих с Турцией, а также в крупнейших городах страны (Алеппо, Дамаск, Хомс).

В Ираке последняя перепись населения, включавшая пункт об этнической принадлежности, проводилась в 1957 году. Согласно этим данным, доля туркоман в населении страны достигала 9% (567 тыс. чел.). По консервативному демографическому прогнозу, в настоящий период в стране должно быть около 2,5 млн туркоман⁷. Ареал их проживания, так называемый Туркменэли (турецк., земля туркоман), тянется от границы Ирака с Сирией и Турцией по диагонали вниз до границы с Ираном и соответствует конкретным районам провинций

1 Meşküre Yılmaz, "Suriye Türkleri (Syrian Turks)," 21. Yüzyıl Türkiye Enstitüsü, December 4, 2015, accessed December 18, 2023, [2 Гурьев, А.А. «Американский фактор в турецко-сирийских отношениях» // Институт Ближнего Востока. 31 марта 2005. \[Электронный ресурс\]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3544> \(дата обращения: 28.02.24\).](https://21yzyt.org/tr/suriye/suriye-turkleri-2; Büyüksaraç 2017, 29–30.</p>
</div>
<div data-bbox=)

3 Косач 2007, 264.

4 Наумкин 2015.

5 Rath 2017, 183.

6 Mustafa Khalifa, "The Impossible Partition of Syria," Arab Reform Initiative, October 24, 2013, accessed December 23, 2023, <https://www.arab-reform.net/publication/the-impossible-partition-of-syria/>.

7 Hümmüzlü 2015, 87.

Ниневия, Эрбиль, Киркук, Салах-эд-Дин и Дияла¹. Туркоманские общины есть и в крупных городах.

С учетом резкого ослабления центра и новой геополитической ситуации политическим элитам и Сирии, и Ирака надо было переопределить внутривнутриполитические стратегии². В этом контексте туркоманский вопрос целесообразно рассмотреть при опоре на концепцию Р. Брубейкера, который предложил оценивать проблему этнических меньшинств в ходе постимперского государственного строительства в ракурсе динамического взаимодействия трех сторон:

- политически отчужденного меньшинства как формы коллективной идентичности и саморепрезентации;
- этнически гетерогенного «национализирующего государства» как поставщика дискурсивных практик, направленных на формирование национального сообщества вокруг культуры этнического большинства;
- «внешней родины» как позиции защитника и спонсора «этнических соотечественников»³.

В начале «арабской весны» сирийская правящая элита предприняла попытку признать фактор полиэтничности (путем легализации празднования Навруза и других акций), чтобы обеспечить внешнюю поддержку режиму и фрагментировать демократическую оппозицию⁴. Однако из-за стремительного развития конфликта эта попытка не удалась – возникший вакуум власти привел к быстрой политизации ранее маргинализированных этнических групп. С одной стороны, их идентичность больше не купировалась официальными дискурсивными практиками, с другой – острая ситуация в области безопасности и жизнеобеспечения требовала активизации общинных механизмов солидарности в самых разных областях. В целом сирийская периферия вернулась к состоянию «государства в государстве» периода мандата.

Сначала в Латакии и Алеппо, а затем и в других регионах стали возникать разнообразные туркоманские организации, действовавшие независимо друг от друга. Первым заметным событием стало появление Сирийского туркоманского движения, которое призывало своих сторонников через социальные сети выйти на улицы «как туркоманы»⁵.

Однако инициаторами создания организованной туркоманской оппозиции стали сирийские туркоманы, проживавшие в Турции. В 2011 г. на ее территории и при ее поддержке были основаны Сирийский туркоманский блок и Сирийское туркоманское демократическое движение, в 2012 г. – Сирийская туркоманская платформа, поставившая своей целью формирование органа, который мог бы выступать от лица всех сирийских туркоман. В рамках этой задачи уже в 2013 г. голосами 400 делегатов от разных туркоманских партий, движений, населенных пунктов и территорий в Анкаре в присутствии в тот период премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана и многочисленных гостей была учреждена Сирийская

1 Yildiz, Çitak 2021, 343.

2 Кудряшова 2016, 18–19.

3 Brubaker 1995, 110.

4 Козинцев 2018, 230.

5 Oytun Orhan, "Syrian Turkmens: Political Movements and Military Structure," Center for Middle Eastern Studies (ORSAM), March 18, 2013, accessed December 12, 2023, https://www.orsam.org.tr//d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf.

туркоманская ассамблея (СТА)¹. Ассамблея представляет собой зонтичную организацию, состав коллективных членов которой может меняться; ее участники формируют генеральный совет и другие рабочие органы. Вооруженные подразделения туркоман (по оценкам, до 15 тыс. бойцов²) признают СТА в качестве своего законного представителя и считают себя его военным крылом, хотя могут действовать самостоятельно³.

Хотя большинство туркоман Сирии поддерживают СТА, есть и те, кто выбрал в сирийском конфликте сторону Башара Асада. Ему симпатизируют (очевидно, на основе общей конфессиональной идентичности) туркоманы-алавиты, проживающие в Латакии⁴. Вместе с тем и в алавитской общине, считающейся наиболее сплоченным и лояльным правительству сегментом, проявились размежевания: в 2023 г. гражданский активист Амин Сакр Хасан впервые открыто обвинил президента в предательстве, связях с «иностранными силами» и «торговле общиной ради защиты своего трона»⁵.

В 2014 г. СТА, объявившая себя единственным законным представителем туркоманского народа, изложила свою позицию в манифесте «Видение сирийского туркоманского движения», обозначив тем самым контуры его коллективной политической идентичности. Среди прочих в нем обозначены следующие ориентиры:

- строительство в Сирии демократического светского государства с реальным разделением властей и прозрачной системой правосудия;
- сохранение территориальной целостности Сирии;
- включение в сирийскую конституцию принципа «мирного сосуществования» этнических групп Сирии и гарантий их культурных прав; – недопущение гегемонии какой-либо конфессиональной группы⁶.

В целом программа и публичные заявления сирийских туркоман выстроены как оппозиция официальному баасистскому дискурсу. С точки зрения СТА, сирийцы – не арабская (как определено действующей конституцией Сирии 2012 г.), а полиэтничная гражданская нация. Эту позицию подтверждает участие туркоманских активистов в работе общесирийских оппозиционных структур, в международных переговорах различных форматов и Конституционном комитете⁷. Туркоманские боевые отряды есть и в составе Сирийских демократических сил⁸.

Вместе с формированием туркоманского политического движения разра-

1 Ana Saifa, "Suriye Türkmen Meclisi (Syrian Turkmen Assembly)," April 26, 2018, accessed January 22, 2024, <https://www.suriye-undemi.com/suriye-turkmen-meclisi>.

2 Acun Can, Kutluhan Görücü, "Suriye Krizinde Göz Ardi Edilen Aktör: Türkmenler (Ignored Actor in the Syrian Crisis: Turkmens)," SETA – Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, December 31, 2018, accessed December 14, 2023, <https://www.setav.org/perspektif-suriye-krizinde-goz-ardi-edilen-aktor-turkmenler/>.

3 Oytun Orhan, "Syrian Turkmens: Political Movements and Military Structure," Center for Middle Eastern Studies (ORSAM), March 18, 2013, accessed December 12, 2023, https://www.orsam.org.tr//d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf.

4 Сейидли 2022, 271.

5 Ясин Абу Фадиль, "Ли авваль марра... нашит алавий мин дахиль аль-Лазикийа йанфаджиру би важи Башар Аль-Асад ва йасыфуху биль-муджрим валь-амиль аль-лязи афна' ат-таифа (An Alawite Activist from inside Latakia Explodes in the Face of Bashar al-Assad and Describes him as a Criminal and an Agent who Destroyed the Sect)," Orient Net, January 26, 2023, accessed January 27, 2024, https://orient-news.net/ar/news_show/201636?from=social&utm_source=facebook&utm_medium=share&utm_campaign=fromWebsite&utm_id=1.

6 Mustafa Abdurrahman, "The Turkmen Reality in Syria," ORSAM Review of Regional Affairs, no. 27, June, 2015, accessed December 12, 2023, https://www.orsam.org.tr//d_hbanaliz/27ing.pdf.

7 Конституционный комитет Сирии – уполномоченное ООН учредительное собрание, основанное в рамках мирного процесса с целью примирения сирийского правительства и оппозиции путем разработки новой конституции страны.

8 Сирийские демократические силы – военный альянс, ядро которого составляют курдские отряды самообороны.

батывалась и его официальная символика, весьма иллюстративная с точки зрения новой туркоманской идентичности. В 2018 г. на представительном форуме в Эр-Раи, городке на сирийско-турецкой границе, был одобрен флаг сирийских туркоман. Голубой цвет на нем символизирует тюркское происхождение, красный – траур по погибшим героям, белый – общечеловеческие ценности, красный полумесяц со звездой – ислам¹.

В Ираке туркоманская идентичность стала приобретать четкий политический контур в результате образования в Иракском Курдистане де-факто независимой администрации после кувейтского кризиса 1990–1991 гг. и создания в курдских провинциях «зоны безопасности» на основании резолюции 688 СБ ООН. На парламентских выборах 1992 г. в избирательных списках еще не фигурировали какие-либо туркоманские организации², но с ростом интереса Турции к региону политическая активность туркоман стала возрастать. В 1995 г. путем слияния нескольких организаций при прямой поддержке Турции был образован Иракский туркоманский фронт (ИТФ), который декларировал следующие цели:

- сохранение территориальной целостности Ирака;
- введение административного самоуправления в двух городах с туркоманским большинством (Тель Афар и Туз-Хурмату);
- возвращение туркоманских беженцев, депортированных из Киркука;
- получение компенсаций за отнятое имущество и возврат конфискованных земель.

Программой-максимум для туркоман в случае федерализации Ирака (которая, однако, рассматривалась как нежелательная из-за невозможности создать субъект с численным превосходством туркоман) было образование автономии³. Штаб-квартира ИТФ находится в Киркуке.

После падения баасистского режима и введения Временной коалиционной администрации в Ираке была принята демократическая конституция (2005), которая признала множественную этноконфессиональную идентичность иракского общества («Ирак – страна множества национальностей, религий и сект», ст. 3) и закрепила ряд консоциативных механизмов – пропорциональную избирательную систему, федерализм (на практике не реализован) и автономию сегментов (реализована для курдов)⁴. Арабский и курдский языки получили статус официальных на государственном уровне, ассирийский и туркоманский – на уровне административных единиц, где «концентрированно проживают их носители» (ст. 4.4).

Таким образом, туркоманам было предоставлено право открывать свои образовательные и культурные организации, учреждать СМИ, создавать политические партии, а в дальнейшем, когда возросла угроза Исламского государства⁵, – формировать вооруженные отряды для обеспечения безопасности в районах своего проживания. В парламенте курдской автономии туркоманы имеют

1 Tevfik Durul, "Syrian Turkmens to Unite under Single Flag," Anadolu Ajansı, November 22, 2018, accessed January 18, 2024, <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/syrian-turkmens-to-unite-under-single-flag/1318693>.

2 Jawhar 2010.

3 Ibid.

4 Харитонова 2021, 72–75.

5 Знаком* отмечены организации, признанные террористическими и запрещенные в РФ.

гарантированную квоту (5 мест из 111); они также могут участвовать в местном самоуправлении (Киркук, Эрбиль и др.)¹. Вместе с тем исследователи обращают внимание на антагонизм между туркоманами и курдами и проблемы с доступом туркоман к власти в Киркуке²³. В частности, самая крупная туркоманская организация, Иракский туркоманский фронт, считает Киркук «исконно туркоманским городом исторически и антропологически» и обвиняет главные курдские партии в посягательстве на достоинство других этнических групп и узурпации их земель⁴.

Помимо ИТФ, в Ираке есть и небольшие самостоятельные туркоманские партии; многие туркоманы-шииты (составляют, по разным оценкам, 35-50% общины⁵) предпочитают вступать в Туркоманский исламский союз или поддерживать иракские шиитские партии.

Имеющиеся социологические опросы иракских туркоман показывают, что 99% респондентов положительно относятся к Турции и не видят никакой этнической разницы между собой и турками Турции⁶. Однако первое место в структуре идентичности подавляющего большинства занимает не этническая идентичность (которую упоминают второй или третьей), а религиозная («Сначала Аллах, потом Турция»)⁷, что объясняет поддержку исламских партий.

Многие туркоманы, считающие Турцию своей настоящей родиной, имеют и иракскую идентичность (она попадает в число трех приоритетных идентичностей у более чем четверти респондентов); сепаратистские требования в туркоманском политическом движении были и остаются очень редкими, несмотря на исторический туркомано-курдский антагонизм. Лучшим выбором декларируется демократический Ирак⁸.

В связи со сложной обстановкой в регионе мы не смогли провести полевые исследования в Сирии и Ираке, однако нам удалось взять пять полуструктурированных интервью у туркоманских активистов по видеосвязи. Четыре из них позволяют получить определенное представление о том, какие эмоции, ценности, интересы и потребности определили формирование и политизацию их идентичности⁹.

Собеседник 1, 32 года, родился и вырос в Дамаске, переехал в Турцию до начала конфликта с целью получения образования. Чувствует себя туркоманом, признает культурные различия между сирийскими туркоманами и анатолийскими турками. Не считает себя таким же сирийцем, как арабы, хотя «привязан к Сирии»; на родине ощущал дискриминацию туркоман, которые «не имели культурных и политических прав»: «...Иногда мы могли собраться с друзьями и поговорить на турецком на политические темы, или кто-то мог взять с собой национальный

1 На последних парламентских выборах 2021 г. Иракский туркоманский фронт получил 1 место, на выборах 2018 г. – 3 (Туркоманский фронт Киркука).

2 Tugdar 2018, 11.

3 Балмасов, С.С. Действия «Исламского государства» возрождают проект туркоманской автономии в Ираке // Институт Ближнего Востока. 1 августа 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25389> (дата обращения: 12.01.2024).

4 Jawhar 2010.

5 Tugdar 2010, 12; Yildiz, Çitak 2021, 349.

6 Yildiz, Çitak 2021, 345.

7 Ibid., 345.

8 Oğuzlu 2004, 318–319.

9 Интервью из личного архива С.А. Сейидли; перевод с турецкого.

музыкальный инструмент и исполнить что-то. На этом вся наша культурная деятельность заканчивалась. Но даже это мы не могли всегда сделать: старшее поколение предупреждало, что не стоит так делать, потому что мы можем вызвать подозрения... Режим Асада авторитарный, и он всегда рассматривал нас как "пятую колонну"».

Собеседник 2, 36 лет, родился в селении Амрин на севере провинции Алеппо. Недовольство властью Асада было вызвано у него «провальной экономической и социальной политикой», но переломным моментом оказалось убийство солдатами в мае 2011 г. тринадцатилетнего подростка Хамзы аль-Хатиба, участвовавшего в гражданских протестах. Отмечает, что для многих «последней каплей стало жестокое обращение с протестующими, расстрел демонстраций в Даръя и Баниясе». В его отряде «присутствуют арабы, курды и туркоманы, и все они являются братьями». И далее: «Для нас этнические и религиозные меньшинства Сирии (христиане, алавиты) являются сирийцами, и мы против любой общинной дискриминации». Признавая дискриминацию суннитов со стороны правительства, подчеркивает: «Наша борьба не против части сирийского народа, а против режима, мы ничего не имеем против алавитов. Они такие же нам братья, как и другие сирийцы».

Собеседник 3, 32 года, родом из Даръя, из племени Шамар, принимал активное участие в борьбе с режимом Асада большую часть конфликта, в настоящее время проживает в Стамбуле. Среди причин недовольства называет «тяжелое социально-экономическое положение, дискриминацию суннитского большинства, авторитаризм Баас, рост безработицы среди молодежи, возрастание социального неравенства, жесткий ответ правительственных структур на первые довольно мирные протесты». О протестах говорит: «Я участвовал в протестах в Даръя... Мы активно использовали социальные сети для того, чтобы собираться. Часто это было стихийно, мы выходили на улицы и скандировали лозунги». Власти «реагировали жестко, силой пытались разогнать демонстрации, вели слежку за теми, кого они считали лидерами демонстраций. Несколько раз открывали огонь по протестующим. Я сам получил несколько пулевых ранений во время участия в протестах». Через полгода из-за ухудшения ситуации он перебрался на север Сирии, где провел шесть лет: «Власть там перешла к объединению оппозиции – Временному правительству Сирии... В экономическом плане эти регионы зависят от помощи Турции, в обиходе используется турецкая лира. У туркоман есть обучение на своем языке. Есть свои СМИ, организации, партии, органы власти». Дискриминацию в Сирии суннитского большинства, отмеченную среди причин кризиса, понимает так: «Алавитам гораздо легче строить карьеру в государственных структурах, в армии. Бизнесмены-алавиты часто пользуются покровительством и защитой правительства. Регионы с алавитским большинством получают большее финансирование со стороны центральной власти. Вся политическая элита Сирии – это алавиты». На вопрос, считает ли он алавитов мусульманами, отвечает: «Алавиты и друзья сами не считают себя мусульманами...», однако «до войны особо проблем [между нами] не было, а после войны началась взаимная неприязнь и даже ненависть». Признает, что до войны туркоманы были «в какой-то степени даже лучше интегрированы, чем ряд религиозных меньшинств».

Собеседник 4, 43 года, иракский туркоман, родился и вырос в Киркуке. Вот его оценка положения туркоман в период правления Баас: «У нас не было никаких культурных прав. Правительство не признавало наше существование. Нас рассматривали как угрозу территориальной целостности Ирака... Нам было отказано в создании каких-либо организаций или партий. В Киркук и другие районы Ирака с туркоманским населением переселяли арабские семьи. Мы сталкивались с дискриминацией в государственных учреждениях. Наши активисты арестовывались. В ряде туркоманских поселений режим Саддама устроил резню. Туркоманы в период правления партии Баас – меньшинство, подвергавшееся насильственной ассимиляции». В настоящее время ситуация «гораздо лучше»: «Сейчас Ирак признается мультиэтническим государством, у нас есть свои партии, газеты, телеканалы, культурные организации, школы и даже вооруженные отряды внутри иракских силовых структур». Считает туркоман «единым народом с турками Анатолии и азербайджанцами». На вопрос «Каковы ваши отношения с другими этническими группами в Ираке?» отвечает: «Если речь идет об обычной жизни, то проблем нет. В Киркуке туркоманы нормально уживаются с арабами, курдами, ассирийцами. Имеют межэтнические браки. Особенно с арабами. Но нельзя сказать, что между политическими силами, представляющими разные народы Ирака, есть согласие по поводу политических вопросов. Наоборот, имеет место соперничество. Особенно туркоманских партий с курдскими». И далее: «Мы выступаем за сохранение территориальной целостности Ирака... и против присоединения Киркука к курдской автономии, ... у нас есть опасения по поводу будущего туркоманской общины в Киркуке, если город перейдет под контроль курдских политических сил». Отношения между туркоманами-шиитами и туркоманами-суннитами называет хорошими: «Мы выступаем против любого рода религиозной нетерпимости».

Таким образом, в политической идентичности наших собеседников в различных комбинациях присутствуют элементы национальной (государственной), гражданской, этнической / панэтнической и конфессиональной идентичности. Первая находит выражение в восприятии Сирии или Ирака как своей родной страны и отказе от сецессии, вторая – в осознании своих прав и борьбе за них, третья – в идентификации себя как туркомана или представителя «единого тюркского народа», четвертая – в акценте на равноправие этноконфессиональных общин и недопустимость сектарианства. В целом их представления о своем Я соответствуют ориентирам коллективной идентичности, закрепленным в официальных документах.

«Внешняя родина» и «исторические соотечественники»

В период строительства Сирией и Ираком «арабского отечества» Турция не выступала в защиту прав своих исторических соотечественников, стремясь поддерживать взаимовыгодные отношения с соседями, в частности развивать энергетическое сотрудничество с Ираком. Перейти к активной поддержке туркоманских общин ее заставила политическая дестабилизация региона и возникшие угрозы национальной безопасности.

На сирийско-туркоманском направлении интересы Турции фактически равнозначны интересам СТА. В их основе лежит ряд принципиальных мотивов:

- консолидация территориальных границ – Дамаск до сих пор официально не признал принадлежность Турции Александреттского санджака (Хатай);
- ослабление позиций баасистской элиты путем проведения конкурентных и открытых выборов;
- реализация принципа «мирного сосуществования» этноконфессиональных общин и незаинтересованность в федерализации Сирии (и тем более в «демократическом конфедерализме» Абдуллы Оджалана, представляющем собой альтернативу национальному государству и источник радикализации курдских политических движений);
- создание туркоманской культурной автономии и усиление мягкой силы Турции.

После начала «арабской весны» Турция стала оказывать финансовую и дипломатическую поддержку туркоманским партиям и предоставила свою территорию для создания СТА. Она также финансирует, снабжает и обучает в специально организованных лагерях туркоманские вооруженные отряды.

По мере возрастающей политической и военной вовлеченности Турции в сирийский конфликт туркоманы начали играть большую роль на сирийском направлении ее внешней политики. Туркоманские формирования вместе с другими отрядами вооруженной оппозиции принимали участие в турецких операциях «Щит Ефрата» (2016–2017), «Оливковая ветвь» (2018), «Источник мира» (2019), «Весенний щит» (2020), целью которых было противодействие проекту курдской автономии на севере Сирии и создание зоны безопасности на границе Турции и Сирии.

В 2019 г. все туркоманские вооруженные формирования стали частью Сирийской национальной армии (СНА) – альянса крупнейших оппозиционных вооруженных группировок Сирии, созданного при поддержке Турции и тесно сотрудничающего с ее вооруженными силами.

СНА и Турция в общей сложности контролируют территорию площадью 8 835 тыс. км² на севере Сирии, которая объявлена сирийской зоной безопасности. В этом районе расположены более тысячи различного рода поселений, значительная часть которых имеет туркоманское демографическое большинство¹. Де-факто эта территория администрируется альтернативным Временным правительством Сирии. В зоне безопасности созданы районные советы, которые выполняют функции местных органов власти; в них наряду с арабами и курдами присутствуют туркоманы. Турецкий (наряду с арабским и курдским) является языком деятельности местных администраций, а также широко используется в учебных заведениях. Он также является одним из языков СМИ, разного рода культурных объединений и вооруженных формирований². Фактически туркоманам удалось добиться культурной автономии – статуса, которого они требовали с самого начала конфликта.

¹ “From Afrin to Jarabulus: A Small Replica of Turkey in the North,” Enab Baladi, August 29, 2018, accessed December 8, 2023, <https://english.enabbaladi.net/archives/2018/08/from-afrin-to-jarabulus-a-small-replica-of-turkey-in-the-north>.

² Ibid.

Турция не участвовала в операции по освобождению Кувейта (как и в операции «Иракская свобода» в 2003 г.), однако образование де-факто курдской автономии в Северном Ираке после объявления его «зоной безопасности» заставило ее перейти к активным действиям. Главные усилия были сосредоточены на том, чтобы предупредить появление независимого курдского государства или арabo-курдской конфедерации со столицей в Киркуке и тем самым исключить подобные устремления у турецких курдов. Сопутствующие задачи включали защиту туркоманского меньшинства, сосредоточенного на северо-востоке Ирака, и борьбу с передислоцировавшимися в Ирак после поражения в 1999 г. боевиками Рабочей партии Курдистана (РПК)¹.

С падением режима Саддама Хусейна возникли новые задачи в области национальной безопасности, так или иначе связанные с положением туркоманской общины. Это:

- подавление Исламского государства*²;
- противодействие усилению влияния Ирана, формированию инфраструктуры «шиитского полумесяца»³ и обострению конфессиональных противоречий среди туркоман⁴;
- операции против РПК в районе турецко-иракской границы;
- купирование результатов референдума 2017 г. о независимости Иракского Курдистана (претендовавшего также на Киркук в силу фактического контроля над провинцией).

В целом, несмотря на все разногласия и противоречия, отношения Турции с Ираком развиты гораздо лучше, чем с Сирией. Этому способствуют отсутствие территориальных споров, сотрудничество с политическим истеблишментом курдской автономии (клан Барзани), импорт энергетических ресурсов, а также существование культурной автономии иракских туркоман, которая позволяет Турции легально взаимодействовать с ними.

1 Jawhar 2010.

2 Знаком * отмечены организации, признанные террористическими и запрещенные в РФ.

3 Marcinkowski 2010, 83–84.

4 Yildiz, Çitak 2021, 350.

Заключение

Туркоманский вопрос в Сирии и Ираке рассматривался нами в двух контекстах – структурном и идентичностном. Важность первого обусловлена задачей консолидации территориальных, политических, экономических, культурных и иных границ, которая неизбежно возникает в ходе постимперского транзита и у государства ядра, и у государств периферии. У незападных политий не было исторического времени для того, чтобы выправить эти границы так, как это делали европейские государства, – через войны, этнические чистки, обмены территориями и населением¹.

Восстановление «справедливой» территориальной принадлежности было делом практически безнадежным: республиканской Турции не удалось вернуть Мосул, а присоединение к ней Александреттского санджака (Хатай) до сих пор официально не признано Сирией. В результате распада империи турки Сирии и Ирака, принадлежавшие к условному османскому большинству, оказались культурной периферией и для Турции, и для новых арабских государств, где они – для дифференциации с анатолийскими турками и дальнейшего закрепления границ – стали именоваться туркоманами.

Навязывание рамки национального государства «сверху» привело к смешению политических институтов модерна и устойчивых патримональных практик, которые ослабляли друг друга в этом причудливом сочетании. Европейские администрации, столкнувшись с подъемом освободительной борьбы, взяли курс на создание формально этнически однородных государств с центральными органами власти и равными правами граждан, однако реализовать подобный проект в условиях раннего постосманского общества ни они, ни оказавшиеся у власти традиционные элиты просто не могли.

В идентичностном аспекте идея государственного национализма безжалостно ломала те прежние идентичности, которые не вмещались в очерченные территориальными границами ячейки, – османскую, исламскую, тюркскую, арабскую. Из-за отмены халифата и последовавших реформ – в первую очередь секуляризации и реформы языка – культурные связи туркоман с Турцией оказались разорванными. Национальный обет, предполагавший включение территорий с мусульманским большинством в состав турецкого государства, был на долгое время забыт.

После завершения периода мандатного управления и череды переворотов к власти в Сирии и Ираке пришли арабские националисты, представители партии Баас. Консолидация этих режимов при Хафезе Асаде и Саддаме Хусейне позволила остановить внутренние центробежные тенденции, достичь общегосударственного единства и повысить эффективность бюрократии. Туркоманы в этот период не имели коллективного голоса («культурные оттепели», как в Ираке начала 1970-х гг., были, скорее, нечаянными), но оказались включенными в государственную систему распределения социальных благ. Извне эту конструкцию поддерживала непримиримая борьба с Израилем и империализмом, а также масштабная советская помощь.

1 Мелешкина, Кудряшова 2022.

Ускоренное формирование коллективной туркоманской идентичности и рост политической субъектности туркоман пришлось на этап кризисного развития 1990–2000-х годов. Это было вызвано не только военными операциями США и их союзников в Ираке и «арабской весной» в Сирии. Первый удар по неопатримониальным арабским режимам нанесли вынужденные неолиберальные реформы, которые повлекли за собой рост социального неравенства, снижение уровня включенности для отдельных социальных групп и их последующую мобилизацию. Начавшиеся внутренние конфликты в соседних странах потребовали активной позиции Турции, для которой территориальная дезинтеграция Ирака и Сирии и появление независимого курдского государства остаются главной угрозой национальной безопасности.

В этой ситуации защита туркоманских меньшинств «исторической родиной» наполнилась конкретным смыслом и содержанием. Турция предоставила свою территорию и разнообразную помощь для организации туркоманской политической оппозиции и вооруженных отрядов. Оказалось, что тюркская / туркоманская идентичность не только жива, но значительно усложнилась и приобрела в том числе национальное измерение. Ни сирийские, ни иракские туркоманы практически не выдвигали сепаратистских требований и, будучи относительно небольшим меньшинством, не поддерживали идею федерализации. Обе общины выступают за гражданскую полиэтничную нацию и широкие культурные права. Крупнейшие и наиболее влиятельные политические организации туркоман (Сирийская туркоманская ассамблея и Иракский туркоманский фронт) имеют протурецкую ориентацию, однако есть и группы туркоман, для которых приоритетное значение имеет конфессиональная идентичность: они могут ориентироваться на Иран (шииты) или официальное сирийское правительство (алавиты).

Если поставить вопрос о содержании тюркизма на арабском направлении, то сегодня оно вариативно. По мере оздоровления ситуации в Ираке стремление туркоман к турецкой опеке уступает место желанию сотрудничества двух государств, а политика Турции не препятствует интеграции туркоман в Иракском Курдистане. Остается, однако, открытым вопрос, обретут ли иракские туркоманы альтернативные источники солидарности.

На сирийском направлении тюркизм не так прагматичен. В условиях сохранения у власти в Сирии прежней элиты туркоманская автономия вдоль турецко-сирийской границы приобретает устойчивую значимость, и тюркизм прошивается новыми нитями ответственности и зависимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аватков, В.А., Сбитнева, А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>.

Avatkov, Vladimir A., and Alina I. Sbitneva. "New Nationalism of Turkish Republic." *RUDN Journal of Political Science* 24, no. 2 (2022): 291–302 [In Russian].

Болдырев, А.Г. Турецкий фактор в политике Великобритании и Франции в межвоенный период //

Новая и новейшая история. 2020. Т. 64. № 2. С. 175–181. <https://doi.org/10.31857/S013038640008661-5>.

Boldyrev, Andrey V. "The Turkish Factor in the Politics of the Great Britain and France in the Interwar period." *Modern and Contemporary History* 64, no. 2 (2020): 175–181 [In Russian].

Звягельская, И.Д. Введение // Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 10–18.

Zvyagelskaya, Irina D. "Introduction." In *The Middle East: Politics and Identity*, edited by I.D. Zvyagelskaya, 10–18. Moscow: Aspect Press, 2020 [In Russian].

Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Том 6 // История Востока. В 6 томах / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М.: Восточная литература, 2008.

Vostok v noveishii period (1945–2000 gg.). T. 6. In *Istoriya Vostoka. V 6 tomah*, edited by V.Ya. Belokrenitskii, V.V. Naumkin. M.: Vostochnaya literatura, 2008 [In Russian].

Каспэ, С. Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007.

Kaspe Svyatoslav I. *Tsentry i ierarkhii: Prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2007 [In Russian].

Киреев, Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.

Kireev Nikolai G. *Istoriya Turtsii*. XX vek. Moscow: IV RAN: Kraft+, 2007 [In Russian].

Козинцев, А.С. Борьба за государство: сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. 2018. № 4. С. 223–240. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11>.

Kozintsev, Alexander S. "A Fight for the State: Syrian Crisis through the Lens of Center-periphery Relations." *Political science (RU)*, no. 4 (2018): 223–240 [In Russian].

Косач, Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 259–331.

Kosach, Grigory G. "Arabskii natsionalizm ili arabskie natsionalizmy: doktrina, ehnonim, variant diskursa." In *Nationalism in World History*, edited by Valery Tishkov, Viktor Shnirelman, 259–331. Moscow: Nauka, 2007 [In Russian].

Кудряшова, И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15–33.

Kudryashova, Irina V. "How to Accomplish Stability in Divided Societies." *Political Science (RU)*, no. 1 (2016): 15–33 [In Russian].

Кудряшова, И.В., Козинцев, А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. 2021. № 2. С. 140–164. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>.

Kudryashova, Irina V., and Alexander S. Kozintsev. "Institutional Solutions for Sectarian Conflicts in the Middle East in the Context of Imperial Legacy." *Political Science (RU)*, no. 2 (2021): 140–164 [In Russian].

Кудряшова, И.В., Козинцев, А.С. Попутчики поневоле: исламские партии и арабское национальное государство в свете теории размежеваний // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 50–69. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.05>.

Kudryashova, Irina V., and Alexander S. Kozintsev. "Revisiting Cleavage Structures: Islamic Parties and Nation-state Formation in the Arab World." *Polis. Political Studies*, no. 3 (2023): 50–69 [In Russian].

Мелешкина, Е.Ю., Кудряшова, И.В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. 2022. № 1. С. 14–51. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>.

Meleshkina, Elena S., and Irina V. Kudryashova. "After Empires: Beating Swords into Ploughshares." *Political science (RU)*, no. 1 (2022): 14–51 [In Russian].

Наумкин, В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского

университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

Naumkin, Vitaliy V. *Deeply Divided Societies in the Middle East: Conflict, Violence, and Foreign Intervention. Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, no. 1 (2015): 66–96 [In Russian].

Пир-Будагова, Э.П. История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015.

Pir-Budagova, El'za P. *Istoriya Sirii. XX vek*. Moscow: IV RAN, 2015 [In Russian].

Подвинцев, О.Б. Имперская, постимперская, неоимперская идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 358–362.

Podvintsev, Oleg B. "Imperial, Post-Imperial, and Neoimperial Identity." In *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*, edited by I.S. Semenenko, 358–362. Moscow: Izdatelstvo VES MIR, 2017 [In Russian].

Сейидли, С.А. Формирование политической субъектности сирийских туркоман в рамках постимперского национального государства // Политическая наука. 2022. № 1. С. 258–276. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.12>.

Seyidli, Saleh A. "The Syrian Turkmen Actorness in the Framework of a Post-imperial Nation-state." *Political science (RU)*, no. 1 (2022): 258–276 [In Russian].

Сурков, Н.Ю. Сирия: патриотическая идентичность как лекарство от конфессионализма // Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 171–176.

Surkov, Nicolay Yu. "Syria: Patriotism as a Remedy for Sectarianism." In *The Middle East: Politics and Identity*, edited by I.D. Zvyagelskaya, 171–176. Moscow: Aspect Press, 2020 [In Russian].

Харитонов, О.Г. Теория и практика консоциализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 61–80. <https://doi.org/10.31429/26190567-22-4-61-80>.

Kharitonova, Oxana G. "The Theory and Practice of Consociationalism in the Middle-Eastern Context: New Dimensions of an Old Problem." *South-Russian Journal of Social Sciences* 22, no. 4 (2021): 61–80 [In Russian].

Шлыков, П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 58–76. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76>.

Shlykov, Pavel V. "Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey." *Comparative Politics Russia* 8, no. 1 (2017): 58–76 [In Russian].

Щевелев, С.С. Британский мандат и восстание 1920 года в Ираке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 140–153. <https://doi.org/10.37279/2413-1741-2021-7-1-140-153>.

Shchevelev, Sergey S. "The British Mandate and the Uprising of 1920 in Iraq." *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science* 7(73), no. 1 (2021): 140–153 [In Russian].

Anderson, Liam D., and Gareth Stansfield. *Crisis in Kirkuk: The Ethnopolitics of Conflict and Compromise*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2009.

Barkey, Karen, and George Gavrillis. "The Ottoman Millet System: Non-territorial Autonomy and its Contemporary Legacy." *Ethnopolitics* 15, no. 1 (2016): 24–42. <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>.

Blanche, Fabrice. *Atlas of the Near East, State Formation and the Arab-Israeli Conflict, 1918–2010*. Leiden, Boston: Brill, 2017.

Brubaker, Rogers. "National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe." *Daedalus* 124, no. 2 (1995): 107–132. <http://www.jstor.org/stable/20027299>.

Büyüksaraç, Güldem B. "Trans-border Minority Activism and Kin-state Politics: The Case of Iraqi Turkmen and Turkish Interventionism." *Anthropological Quarterly* 90, no. 1 (2017): 17–53. <https://doi.org/10.1353/anq.2017>.

Dawisha, Adeed. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2003.

Dukhan, Haian. "Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising." *Tribes & Neighbourhoods: The Dynamics of Subtlety* 6, no. 2 (2014): 1–27.

Fontana, Guiditta. "Creating Nations, Establishing States: Ethno-religious Heterogeneity and the British Creation of Iraq in 1919–1923." *Middle Eastern Studies* 46, no. 1 (2010): 1–16. <https://doi.org/10.1080/00263200902760535>.

Hinnebusch, Raymond A. "Syria Under the Ba'th: State Formation in a Fragmented Society." *Arab Studies Quarterly* 4, no. 3 (Summer 1982): 177–199.

Hinnebusch, Raymond A. "Identity and State Formation in Multi-sectarian Societies: Between Nationalism and Sectarianism in Syria." *Nations and Nationalism* 26, no. 1 (2020): 138–154. <https://doi.org/10.1111/nana.12582>

Hürmüzlü, Erşat. "The Turkmens of the Middle East." *Turkish Policy Quarterly* 14, no. 1 (Spring 2015): 85–93.

Jawhar, Raber T. "The Iraqi Turkmen Front." In *Returning to Political Parties? Partisan Logic and Political Transformations in the Arab World*, edited by Myriam Catusse, Karam Karam, 313–328. Beyrouth: Presses de l'Ifpo, The Lebanese Center for Policy Studies, 2010.

Jörum, Emma L. *Beyond Syria's Borders: A History of Territorial Disputes in the Middle East*, London, New York: I.B. Tauris, 2014.

Karpat, Kemal H. "The Ottoman Ethnic and Confessional Legacy in the Middle East." In *Ethnicity, Pluralism, and the State in the Middle East*, edited by Milton J. Esman, Itamar M. Rabinovich, 35–53. Ithaca, London: Cornell University Press, 1988.

Khadduri, Majid. "The Alexandretta Dispute." *The American Journal of International Law* 39, no. 3 (1945): 406–425. <https://doi.org/10.2307/2193522>.

Marcinkowski, Christoph. *Shi'ite Identities: Community and Culture in Changing Social Contexts*. Münster: LIT Verlag Münster, 2010.

Mullen, Christopher A., and J. Atticus Ryan, eds. *Unrepresented Nations and Peoples Organization: Yearbook 1996*. Stockholm: Martinus Nijhoff Publishers, 1997.

Oğuzlu, Tarik H. "Endangered Community: The Turkoman Identity in Iraq." *Journal of Muslim Minority Affairs* 24, no. 2 (2004): 309–325. <https://doi.org/10.1080/1360200042000296681>.

Osterhammel, Jürgen. *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2015.

Rath, Saroj K. "Searching a Political Solution for Syria." *India Quarterly: A Journal of International Affairs* 73, no. 2 (2017): 180–195. <https://doi.org/10.1177/0974928416683058>.

Rubin, Avshalom H. "Abd al-Karim Qasim and the Kurds of Iraq: Centralization, Resistance and Revolt, 1958–1963." *Middle Eastern Studies* 43, no. 3 (2007): 353–382.

Saatçi, Suphi. "The Turkman of Iraq." In *Linguistic Minorities in Turkey and Turkic-Speaking Minorities of the Periphery*, edited by Christiane Bulut, 329–342. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018.

Sanjian, Avedis K. "The Sanjak of Alexandretta (Hatay): Its Impact on Turkish-Syrian Relations (1939–1956)." *Middle East Journal* 10, no. 4 (1956): 379–394.

Simons, Geoff L. *Iraq: From Sumer to Saddam*, Basingstoke, Hampshire and London: Macmillan Publishers, 1996. 2nd edition.

Spruyt, Hendrik. *The Sovereign State and its Competitors. An Analysis of System Change*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Stolleis, Friederike. "Discourses on Minorities and Sectarianism in Syria." In *Playing the Sectarian Card: Identities and Affiliations of Local Communities in Syria*, 7–10. Beirut: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015.

Tilly, Charles. "How Empires End." In *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires*, edited by Karen Barkey, Mark von Hagen, 1–11. Oxford: Westview press, 1997.

Tugdar, Emel Elif. "Iraqi Kurdistan's Statehood Aspirations and Non-Kurdish Actors: The Case of the Turkomans." In *Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests*, edited by Emel Elif Tugdar, Serhun Al, 3–26. Cham: Springer, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_1.

Yildiz, Tunahan, and Zana Çitak. "The Multiple Identities of the Middle East: A Case of Iraqi Turkmen Refugees in Turkey." *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 23, no. 2 (2021): 339–357. <https://doi.org/10.1080/19448953.2020.1867805>.

Сведения об авторах

Ирина Владимировна Кудряшова,

к.полит.н., доцент, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Салех Агил оглы Сейидли,

аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: saleh6064@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 29 января 2024.

Переработана: 19 февраля 2024.

Принята к публикации: 28 февраля 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кудряшова, И.В., Сейидли, С.А. Тюркский мир и арабская родина: туркоманы Сирии и Ирака в поисках идентичности // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 77–102.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-77-102>

Striving for National Identity: Syrian and Iraqi Turkomans in Search of a Homeland

ABSTRACT

The Turkomans are considered to be the integral part of a political space often reflexively labeled as “Turkic World.” Following the collapse of the Ottoman Empire, the Turkoman communities in Syria and Iraq have undergone a complex evolution leading to their current status as politically organized distinct ethnic groups. This transformation has been predetermined by the policies of the colonial powers and the rise of Arab nationalism that was aimed to establish the united “Arab Homeland.” It was only with the decline of Baathist regimes that Turkomans started to gain political recognition.

How have the Turkomans in Syria and Iraq evolved culturally and politically over time? Do they perceive their future as being closely linked to their Arab “host” countries, or do they harbor aspirations of coming back to their historical Turkic legacy? What support do they receive from Turkey, and what is offered by Syrian and Iraqi authorities?

We have analyzed the Turkoman issue through a structural and identity-based lens, examining how these communities have navigated their relationships with the Arab states they reside in and their historical ties to Turkey. The framework proposed by R. Brubaker, which examines the interactions between marginalized ethnic minorities, nationalizing states, and external homelands, provides a valuable tool for understanding the complex dynamics involving Turkoman communities in Syria and Iraq.

The research findings indicate that Turkoman identity remains robust, albeit with a notable shift towards a more inclusive national-state dimension. Despite constituting a minority group, Turkomans in both countries are actively advocating for recognition within society and asserting their cultural rights. The primary Turkoman political factions in both countries have garnered backing from Turkey, although the nature of this support is complex. In Iraq, Turkomans are inclined towards seeking Turkish patronage while also demonstrating a willingness to engage with the Iraqi government. Conversely, in Syria, Turkomans residing along the border have successfully established a self-governing region with the Turkey's assistance. Furthermore, a segment of Turkomans place emphasis on their religious affiliations, such as identifying as Shiite or Alawite.

KEYWORDS

Turkoman minorities, Syria, Iraq, Turkey, national identity, imperial identity, ethnic identity, divided societies, Turkism

Authors

Irina V. Kudryashova,

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Comparative Politics,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Saleh A. Seyidli,

PhD student, Department of Comparative Politics,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: saleh6064@gmail.com

Additional information

Received: January 29, 2024. Revised: February 19, 2024. Accepted: February 28, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kudryashova, Irina V., and Saleh A. Seyidli. "Striving for National Identity: Syrian and Iraqi Turkomans in Search of a Homeland." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 77-102.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-77-102>